

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ ¹⁾).

Помянухъ дни древнія, и поучихся.

Сѣдая, глубокая русская старина. Ей минуло уже 900 лѣтъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ мы сейчасъ стоимъ, можно думать, былъ вѣковой лѣсъ. Онъ простирался на десятки, сотни верстъ, докуда только можно было окинуть взоромъ. Это обиліе лѣса обезпечивало какъ многоводность тогдашняго Днѣпра, такъ и существованіе множества питавшихъ его рѣчекъ, какова Смядынь,—русло которой можно видѣть у святого колодца.

Дѣвственные, вѣковыя ели и сосны, колеблемыя осеннимъ вѣтромъ, касались другъ друга верхушками своими. Чудилось, что онѣ ведутъ таинственный разговоръ между собой, охраняя покой этого мѣста. Предъ ними раскрывался широкій просторъ могучаго Днѣпра. Это былъ не тотъ Днѣпръ, какой мы видимъ сейчасъ. Не было на немъ того обмелѣнія, что ежегодно происходитъ теперь съ половины іюля. На прежнемъ Днѣпрѣ плавали бы и не такіе пароходы, что стоятъ у нашей пристани. Берега Днѣпра начинались у этого мѣста и шли до той горы, что за полотномъ Александровской дороги. Какъ разъ у святого колодца впадала въ Днѣпръ рѣка Смядынь. Теперь мы видимъ одно русло этой рѣки. Само русло совсѣмъ высохло, но видно еще направленіе рѣки мимо Свирской церкви къ деревнѣ Чернушки.

Здѣсь—у устья Смядыни—и было совершено неслыханное злодѣйство. Святополкъ, прозванный Окаяннымъ, совершилъ подлинно Каиново дѣло: черезъ подсланныхъ убійцъ онъ умертвилъ своего брата Глѣба, желая наслѣдо-

¹⁾ Произнесено за литургіей на мѣстѣ убіенія святого князя Глѣба, — у Смядыни.

вать отъ отца всю полноту власти. Вы слышали вчера за всеношнымъ бдѣніемъ эту печальную исторію. Братъ подъялъ руку на кроткаго брата на самой зарѣ нашей исторіи. За что?—спросите вы. Чѣмъ заслужилъ раннюю смерть юный князь Глѣбъ, столь любимый отцомъ своимъ, св. Владиміромъ? Тѣмъ ли, что воспитанный въ христіанствѣ былъ смиренъ сердцемъ, что весь проникнутъ былъ Христовой любовью? Тѣмъ ли, что вмѣстѣ съ братомъ своимъ Борисомъ, полюбивъ книжное ученіе, съ удовольствіемъ читалъ божественныя книги, особенно житія святыхъ, и всѣми порывами молодой души жаждалъ подвига мученическаго? Тѣмъ ли, что, помня завѣты отца,—получивъ въ удѣлъ для управленія Муромъ, усердно насаждалъ тамъ вѣру Христову среди язычниковъ, строилъ храмы, ставилъ къ нимъ священниковъ, творилъ судъ и правду, былъ милосердъ къ бѣднымъ и неимущимъ!—За то пострадалъ юный князь,—отвѣчаетъ исторія,—что св. Глѣбъ былъ носителемъ кроткаго христіанства, усвоивъ его духъ,—былъ правдивъ самъ и въ другихъ мнилъ видѣть только правду, Тѣмъ заслужилъ раннюю смерть св. Глѣбъ, что стоялъ на пути насильника Святополка къ овладѣнію Кіевскимъ княжествомъ. За то пострадалъ онъ, что воспитанъ былъ въ повиновеніи къ старшимъ, и вѣрилъ искренне, наивно, дѣтски вѣрилъ, что подосланные Святополкомъ убійцы везутъ ему привѣтъ отъ старшаго брата. „Онъ обрадовался имъ“,—замѣчаетъ лѣтописецъ. Онъ вѣрилъ въ Божию правду до жажды вѣнца мученическаго и получилъ его. Онъ вѣрилъ, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.

Не то представлялъ изъ себя Святополкъ. Этотъ считалъ, что только сила даетъ успѣхъ, что только насиліе обезпечиваетъ торжество. Для него было закономъ, что сила выше права, выше правды Божіей. Святополкъ считалъ, что только путемъ убійства братьевъ, получившихъ въ удѣлы для управленія Муромъ и Ростовъ, онъ станетъ единовластнымъ распорядителемъ княжества, единственнымъ вершителемъ судебъ Кіевской земли. Но не привилось къ русскому народу это убѣжденіе Святополка, не повѣрилъ нашъ народъ, что Богъ не въ правдѣ, а въ силѣ.

Зато эту вѣру Святополка Окаяннаго въ торжество силы раздѣляетъ въ наши дни нѣмецкій кайзеръ и его народъ. Тамъ, у нашихъ враговъ, уже давно было провозглашено, что „сила выше права“. Съ этимъ убѣжденіемъ дерзкій и жестокій нѣмецъ уже вторгся въ наши священные предѣлы. Грозныя тучи нависли надъ Россіей. Попирая не только обычаи ратнаго состязанія, но преступая законы божескіе и человѣческіе, нѣмецъ со всею лютостью и безпощадностью несетъ въ нашу страну бѣдствие, скорбь и смерть. Коварство его безпредѣльно; подъ гостеприимнымъ русскимъ кровомъ онъ мирно цѣлыхъ 200 лѣтъ внѣдрялся въ нашу землю, въ наше управленіе, науку, промышленность. Подъ личиною дружбы послѣднія 40 лѣтъ онъ то и зналъ, что готовился къ войнѣ безпощадной, войнѣ жестокой. Нѣмецъ за эту войну убилъ въ себѣ всякое человѣческое чувство. Ему чуждо чувство любви, жалости, снисходительности, уваженія къ чужой собственности, къ произведеніямъ наукъ и искусствъ, къ народнымъ памятникамъ. Онъ разрушаетъ, не оставляя камня на камнѣ, чудную Бельгію съ ея знаменитымъ Антверпеномъ и Лувеномъ. Онъ разрушаетъ Реймскій соборъ Франціи,—храмъ христіанскаго Бога, созданіе зодчества 14 вѣка, служившій предметомъ изумленія на весь міръ. Онъ поставилъ на соборѣ Кракова, когда ожидалось сюда нашествіе русскихъ, — дальнобойныя пушки. Этимъ онъ погралъ все священное въ себѣ и тамъ, гдѣ человѣчество ищетъ успокоенія въ домѣ общенія мира и любви и молитвы въ святомъ храмѣ,—тамъ онъ ставитъ свои дальнобойныя пушки, безпощадныя орудія человѣческаго кровопролитія. Онъ грубо, безцеремонно нарушаетъ нравственное право и правила веденія войны, выработанныя христіанскимъ человѣчествомъ. Онъ насилуетъ женщинъ, избиваетъ безпомощныхъ стариковъ и невинныхъ младенцевъ, умерщвляетъ мирныхъ жителей, грабитъ ихъ достояніе. Въ эту войну онъ добываетъ раненыхъ нашихъ воиновъ, разрушаетъ учрежденія общества Краснаго Креста, беретъ въ плѣнъ служащихъ дѣлу христіанскаго состраданія—врачей и сестеръ милосердія. Жестокіе тевтоны, ищущіе человѣ-

ческой крови и смерти, душатъ и мучатъ нашихъ воиновъ душливыми газами. И не безъ основанія этотъ способъ веденія войны получилъ отъ русскаго солдата мѣткое прозвище „Каинова дыма“. Въ этомъ можно видѣть сходство ихъ кайзера, впервые разрѣшившаго душливые газы на войнѣ, съ Святополкомъ Окаяннымъ,—который несмотря на крещеніе,—остался грубымъ язычникомъ по жизни и убѣжденіямъ.

Наоборотъ, Русскій Царь, подобно св. Глѣбу, вмѣстѣ съ своимъ народомъ крѣпко вѣритъ, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Народъ русскій и въ нынѣшнюю войну добродушенъ и мягкосердеченъ, со всѣми уживается, всѣмъ даетъ пріютъ и ласку. Напрасно о немъ такъ долго твердили нѣмцы на весь міръ, что онъ грозитъ будущему европейской культуры, что онъ—олицетвореніе страшнаго варварства. Нашъ народъ даже въ мрачные дни своей ранней исторіи—въ дни тяжелыхъ междоусобій, раздиравшихъ Русь, въ дни надвигавшагося и уже надвинувшагося татарскаго нашествія—мягкой и нѣжной душой славянина чувствовалъ и зналъ, что Богъ не тамъ и не съ тѣми,—гдѣ грубая физическая сила и неизмѣнный спутникъ ея насиліе,—но тамъ, гдѣ правда, гдѣ царитъ стремленіе претворить ее въ плоть и кровь жизни. Съ этимъ же одухотвореннымъ и неизмѣннымъ сознаніемъ правды Божіей и своего долга воплотить ее въ дѣло стоитъ русскій народъ и предъ лицомъ нынѣшнихъ испытаній. Неизбѣжнымъ превратностямъ своего боевого счастья онъ противопоставляетъ мужественную, твердую, вѣками воспитанную вѣру въ то, что онъ не одинокъ, что съ нимъ и за него побораетъ Богъ.

Современная война для нашихъ воиновъ не только бой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подвигъ религіознаго самопожертвованія, какъ для первомученика славянъ св. Глѣба. И нѣтъ числа теперь за вѣру Христову убиенныхъ. Русскій солдатъ не только воинъ, но и страстотерпецъ. *Здѣсь терпѣніе и вѣра святыхъ*,—можемъ сказать словами апостола. Русская армія не жаждой чужой крови руководится, но свою кровь проливаетъ за правду Божію и свободу братьевъ, кровью

Христовою искупленныхъ. При тѣхъ средствахъ истребленія, которыми орудуютъ нѣмцы, при страшной силѣ желѣза и огня въ современномъ бою, едва ли страданія умирающихъ воиновъ много отличны отъ страданій древнихъ мучениковъ—и перваго страстотерпца русскаго Глѣба. А нѣмецкій плѣнъ хуже заключенія въ древнихъ темницахъ, и только вѣра и любовь ко Христу и къ искупленнымъ Имъ братьямъ дѣлаютъ возможными безчисленные подвиги и жертвы нашихъ героевъ. И мы въ правѣ сказать, что весь православно-народный міръ является въ наши дни подлинно церковью воинствующей и переживаетъ теперь эпоху мученій за Христа, какъ смотрѣлъ на свою смерть и мученикъ Глѣбъ, на этомъ мѣстѣ пролившій кровь свою. Въ народѣ эта мысль о воинахъ-мученикахъ за Христа выражается иногда очень наивно, но всегда въ высокой степени вѣрно. Вотъ въ Вятской губерніи одинъ выздоровѣвшій запасной, когда ему предстоялъ выборъ—идти ли въ армію, или работать на Ижевскихъ заводахъ—рубить и подносить дрова—говорить:— „пойду въ армію; въ церкви за дроворубовъ не молятся, а молятся за воиновъ въ дѣйствующей арміи; меня за такими молебствіями слеза пробиваетъ. Пойду воевать, за меня будутъ Богу молиться“. А другой изъ Орловской губерніи выражаетъ мысль эту еще лучше въ своемъ дневникѣ-записной книжкѣ. „Спаситель мой! Ты положилъ душу свою за насъ, чтобы спасти насъ, и заповѣдалъ намъ полагать души свои за друзей своихъ и за ближнихъ нашихъ. Радостно иду я исполнить святую волю Твою“. И исполнилъ. Не напоминаетъ ли это намъ молитву св. Глѣба предъ кончиной. „Если ты—братъ Борисъ—имѣешь дерзновеніе у Господа, то моли, чтобы и я пострадалъ подобно тебѣ“.

Нѣмцы ринулись на насъ, какъ апокалипсическій звѣрь съ семью головами и десятью рогами (Ап. 13, 1,), т. е. сосредоточивъ у себя всю мудрость міра (семь головъ) и всѣ средства защиты и нападенія (десять роговъ). Но, дастъ Богъ, мы побѣдимъ. Не ложно слово святого Евангелія: насильникамъ „гордымъ Богъ противится, — смиреннымъ даетъ,

благодать“. Пусть варвары-нѣмцы, ослѣпленные временнымъ успѣхомъ побѣднаго шествія на святую Русь,—тѣшатъ свою гордыню. Богъ правды поругаемъ не бываетъ. За погрѣшеіе всего святого, за оскорбленіе и избіеніе невинныхъ жертвъ, за разрушеніе алтарей нѣмцы дадутъ отвѣтъ передъ судомъ челоуѣчества и передъ судомъ божественной правды. Страхомъ и разслабленіемъ всего организма—внѣ родной земли—умеръ первый насильникъ Святополкъ Окаянный. Безслав-но, позорно окончитъ и германскій монархъ XX вѣка, этотъ язычникъ въ христіанствѣ, первый допустившій на войнѣ Каиновъ дымъ.

Вѣримъ, что дѣла и дни кайзера и его народа въ книгѣ судебъ Божіихъ записаны и учтены. Всеправедный Господь воздастъ „отмщеніе“ безстыдно попирающимъ Его святости. Кровь св. Глѣба, невинно пролитая въ самомъ началѣ нашей исторіи, вопіяла къ небу объ отмщеніи Святополку. И отмщеніе не замедлило. О божественномъ отмщеніи нѣмцу вопіетъ къ небу и кровь нашихъ мучениковъ-воиновъ и всѣхъ жертвъ нынѣшней тяжелой войны.

Вотъ какія мысли и надежды питаетъ въ насъ нынѣшнее торжество въ честь св. Глѣба. Вотъ намъ завѣты на этотъ день вѣковой русской старины. Принося нынѣ безкровную жертву на мѣстѣ кончины св. Глѣба, воззовемъ къ святымъ Борису и Глѣбу: „Радующеся съ лики ангельскими, предстояще святѣй Троицѣ, молитесь о державѣ сродниковъ вашихъ богоугоднѣй быти и сыновомъ росіійскимъ спастися. (Тропарь св. мученикамъ). Аминь.

Архимандритъ Даміанъ.

Преподобный Даниилъ въ плѣну и въ борьбѣ съ врагами (въ V в.).

Преподобный Даниилъ сорокъ лѣтъ провелъ въ общитіи, а потомъ отшельникомъ въ Скитской пустынѣ. Не съ врагами только невидимыми приходилось ему вести борьбу;